

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

О других приложениях к книге (по метрологии, конструкции армянской мельницы и пр.) было сказано в своем месте. По поводу замечания автора об армянской мельнице можно добавить, что приводимое автором «предположение, что водяные мельницы не были известны средневековым европейским народам и что только крестоносцы впервые переняли их у народов Востока» (стр. 66), совершенно неосновательно: распространение водяных мельниц по Италии относится еще к эпохе Плиния Старшего¹, а в IV в. после Р. Х. они известны по всей Римской Империи².

Понятно, что и в подробной рецензии невозможно высказаться по поводу всех отдельных замечаний автора, разбросанных по его книге. В заключение следует отметить, что рецензируемая книга проникнута глубоким и интимным чувством родины. Как эпиграф, автор взял следующие слова из своего предисловия (стр. IV): «Камни возвещают культуру, этику и право древнего народа и вопиют против порабощения». Чистый доход от издания предназначен автором в фонд для учреждения кафедры истории армянского права.

И. Фаас.

3. Стихотворения ан-Ну'мāна и Бекра. Дели, 1337 г. хиджры.

شعر النعمان بن بشير الأنصاري... ولبه شعر بكر بن عبد العزيز بن أبي دلف العجلي. عنى بنشره وتصحيحه وضبطه... أبو عبد الله محمد بن يوسف السورتي.
سنة ١٣٣٧هـ. دهلي (Lith. 8° стр. 2 + 10 + 46 + 4 + 10 + 38 + 2)

Среди вышедших во время войны восточных изданий есть не мало таких, которые обязаны инициативе европейских ученых или в которых сказывается стремление применить европейские методы работы. Оба признака объединяет вышедшая в Дели литография с дивāнами поэтов ан-Ну'мāна ибн Бешйра и Бекра ибн 'Абд-ал-'Азйза, которые изданы по копии с константинопольской рукописи мечети султана Фāтиха. Английский орпенталист Фг. Кренков предоставил копию в распоряжение известного мецената Хусейна ал-Билгрāmī, на средства которого и выполнено настоящее издание.

Издатель — Мухаммед ибн Йўсуф ас-Сўратī не чужд науки: в одном из примечаний он упоминает свою работу о стихах Хасāпа ибн Сāбита (дивāн Ну'мāна стр. 33 (الابضاح والبيان عن معاني شعر حسان

¹ Plin. Hist. natur., XVIII, 23.

² Ducange, l. c., т. I (1883), стр. 348 s. v. aquimola. Baudrillart в Daremberg-Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. III, 2 (P. 1904), стр. 1961 — 1962 s. v. mola.

довольно часто им приводятся соображения об авторе тех или иных стихов (ср., напр., *ibid.* стр. 18); обоим диванам предпосланы исторические введения с биографиями поэтов. Знакомство с европейскими методами сказалось в приложении указателя рифм и собственных имен. С технической стороны литография выполнена безукоризненно: и прекрасная бумага, и почерк не оставляют желать ничего лучшего. Конечно, литография даже идеальная не может заменить издания и очень часто мы не в силах судить, представляет ли данное чтение простую опешку переписчика или обоснованный вывод издателя. Некоторым минусом является слишком большое разнообразие пагинаций: не говоря о том, что оба дивана имеют особую, в каждом четыре самостоятельных нумерации для 1) предисловия автора, 2) исторического введения, 3) текста дивана, 4) указателей. (В дальнейшем ссылки относятся только к текстам обоих диванов).

Оба поэта объединены в одном издании случайно благодаря находению в одной и той же рукописи; они относятся не только к различным эпохам, но как увидим дальше, сильно отличаются друг от друга объемом и характером поэтического дарования.

Первый из них — ал-Ну'ман ибн Бешйр хорошо известен, как исторический деятель. По происхождению мединец-хазраджит, в летописях ислама он поминается как первый из алса'ров, родившийся мусульманином. После убийства 'Османа он принял сторону Му'авии, бежал в Сирию и участвовал в битве при Сыффине против 'Али. Одно время он был правителем Куфы, а затем Хымса, жителем которого и был убит в 64 (683) г. во время междоусобной войны, связанной с переходом власти от омейядского рода суфьянидов к мервашидам. (См. хотя бы *Wüstenfeld, Register zu den Genealogischen Tabellen, Göttingen 1853, стр. 339—340*). В истории поэзии он известен, главным образом, своим выступлением в защиту алса'ров при Му'авии против ал-Ахтала, начавшего поэтическую карьеру колкой сатирой по их адресу. Сколько-нибудь выдающимися личными свойствами он, как и большинство алса'ров, повидимому, не обладал; он «любил тишину и спокойствие» и едва ли представлял крупную фигуру среди своих современников, один из которых характеризовал его, как «слабого или пригорающегося слабым» (ад-Дйнаверй, изд. *Guirgass, 245, 13*).

Про существование его дивана было известно уже потому, что среди редакторов его пазывается ряд крупных филологов, как аш-Шейбани и ас-Суккарй; последнему по мнению издателя принадлежит и настоящий извод. Доступным диван делается только теперь, и его появление очень своевременно. За последние годы у нас пачинает накапливаться в довольно большом количестве материал для суждения о поэзии алса'ров и вообще ме-

дипцев. Не задолго до войны (1914) мы получили хорошую картину медической жизни и поэзии до ислама благодаря изданному Th. Kowalsk'им дивану аусита Қайса ибн ал-Хатъима; условия после хиджры рисует панегирист Мухаммеда хаздражит Хассан ибн Сабит (ср. ЗВО XXI, 083—093). Диван хаздраджита ан-Ну'мана теперь дополняет эту картину и, повидимому, не заставит изменить вывода об отсутствии поэтического таланта у ансаров.

Едва ли произведения Ибн Бешпра представлены полностью в опубликованной рукописи: против этого говорит уже самое количество. В диване всего 14 стихотворений, из различных источников извлечено еще 8 фрагментов; некоторые представляют отрывок в один стих, другие дублируют предшествующие произведения и, таким образом, диван дает всего 208 стихов. Еще больше о неполноте сборника говорит фрагментарность целого ряда отрывков, несомненно представляющих *disjecta membra* не сохранившихся произведений. О творчестве поэта мы должны судить, строго говоря, только по пяти большим и, может быть, цельным стихотворениям. Для содержания его поэзии они вполне характерны и отражают картину, повидимому, достаточно полно. Из *қасыд* нормального типа у него имеется только одна (№ 3), составленная в обычном, до-исламском стиле и выдержанная достаточно хорошо, хотя порядок стихов местами сомнителен. Появление вместо имени героним Умм 'Абдаллах (ст. 1, 14) имени Джемилл (ст. 27) еще не заставляет видеть здесь два различных произведения, тем более что оба имени могут относиться к одному лицу. Стих 6 этой пьесы:

ترى القمر بالقيعان جئن بنانه * أبابيل ينسفن الجيم وصبًا

говорит о том, что в эту эпоху кораническое *ابابيل* (сүра 105, 3) понималось в смысле «стая» птиц, а не особой породы, как впоследствии толковали некоторые экзегеты. (Ср. еще в стихах более поздней эпохи о лошадях: *جالت الخيل الأبابيل* *Ал-Умд*, изд. 1293 г. I, 196). В стихе 27 интересна форма: *سألت = سألت*.

Два больших стихотворения (№ 1 и 2) посвящены типично мусульманским сюжетам, хорошо знакомым нам по творчеству Хассана ибн Сабита во втором периоде; в некоторых пунктах можно уловить общность с произведениями Умейя ибн-Абӯ-с-Салта. Содержание их шаблонно: восхваление Мухаммеда и Корана, воспевание Аллаха и Страшного Суда в обычных тонах, частью целиком заимствованных из «Книги Божьей». Характерно заявление об отказе от светской поэзии (№ 1, ст. 25):

فهذا وإنى تارك الشعر بعدها * لخير من الشعر اتباعًا وأرشدا

тоже мотив обычный и являющийся в большинстве случаев, как мы знаем из истории поэзии, пустой фразой. В № 2, ст. 11—12 интересно упоминаше среди пророков некоего *ابن متى*.

Третий сюжет, которому посвящены два больших произведения (№ 4 и 23), наиболее част в его поэзии: прославление ясирибитов и особенно ансѣров, с которыми и осталось навсегда связанным имя Ибн Бешйра. (В № 4, ст. 3 можно отметить женское имя—эпитет *الألوف*).

Темы этих пяти крупных стихотворений определяют и содержание мелких фрагментов, иногда стоящих в непосредственной связи с указанными. Большинство их посвящено ансѣрам: № 7 (в связи с № 23), 9, 18, 22 (обращение к Му'авии), 24 (по адресу ал-Ахтала); есть несколько прославлений более личного характера (№ 10, 13, 25). Особняком стоит № 5, отличающейся по стилю от общего творчества ан-Ну'мана и подаром приписываемый 'Омару ибн Абӯ-Раби'а (изд Schwarz № 439); в связи с ним находится № 6. Незначительны по содержанию отрывки любовного характера, часто дублирующие начало больших қасйд: таковы № 11, 12 (= 26), 20 (в связи с № 9). Если прибавить к этому один отрывок из элегии—№ 21 и два стиха неопределенного содержания (№ 8 и 19), то будет исчерпан весь диван Ибн Бешйра.

Отсутствие разнообразия в древне-арабской поэзии нам достаточно известно, и только талантливость отдельных поэтов позволяла и при этой бедности материала разнообразить комбинации. Крупным дарованьем ан-Ну'ман ибн Абӯ-Раби'а не обладал и диван его не дает ничего нового для истории поэзии после произведений Умейи или Хасъана. Популярность его имени в мусульманских кругах объясняется не талантом, а сторонним соображением: он считался певцом ансѣров и, вероятно, поэтому мусульманская традиция взяла его под свою защиту, как она взяла Хасъана, панегириста Мухаммеда.

Не поражает Ибн-Бешйр оригинальностью в трактовке сюжетов и так же мало интересного приходится отметить в его форме: она находится всецело под влиянием обычных и узаконенных норм. Можно указать только отдельные звуковые комбинации, не всегда представляющие что-либо оригинальное. Несколько интереснее в этом отношении № 4, где целый ряд стихов дает внутреннюю рифму или обнаруживает тенденцию к повторению одинакового звука. В ст. 8, например:

كَانَ الرِّضَابُ وَصُوبَ السَّحَابِ بَاتَ يَشَابُ بِنُوبِ العِسلِ

следует отметить перекрестную комбинацию со звуком *б* (السحاب—الرضاب) *б* (الرضاب—يشاب) *б* (يشاب—بنوب). Стих 12:

كريمَ البلاءِ صبورَ اللقَاءِ صانِ الثناءِ قليلَ العللِ

включает внутреннюю рифму на *ā'u*; ст. 13:

عظيم الرماذ طويل العباد وارى الزناد بعيد القفل

такую же на *di*. В этих двух последних случаях даже в самом выборе слов нам приходится видеть несомненное влияние приемов элегической поэзии, анализированных в работе Rhodokanakis о поэзии ал-Ханса (№ 21, ст. 3 дает такое же калонизированное сочетание выражений *أجداد أطلاع ألوية طلاء* (همال ألوية طلاء). Звуковая комбинация с неполной рифмой имеется в стихах 15—16 № 4:

مداخلية سرحية جسرة * على الأبين دوسرة كالجمال
هجان كلون مهاة الصوار * عبّر السفار وعبّر البدل

Слабее выражен тот же прием в ст. 21 со звуком *p*:

صبور وقور لما نابيه * بكل لذين حسام فصل

Впечатление гораздо большей свежести и силы таланта производят стихотворения другого поэта, взятые по той же рукописи. Поэт этот до сих пор почти совсем не был известен, если не считать скудных упоминаний о нем в исторических трудах; по времени он более чем на два века моложе ан-Ну'мана. Бекр ибн 'Абд-ал-'Азиз (ум. 898) принадлежал к мелкой династии полусамостоятельных эмиров дулефидов, которые утвердились в Курдистане в качестве халифских наместников со времени деда поэта Абү Дулефа (ок. 825 — 842). Бекр с его братом 'Омаром были последними представителями этой династии, смещенной другими наместниками. По происхождению Абү Дулеф был из чисто арабского рода 'уджлитов: Бекр гордо себя величает «вершиной» ванлитов. Постоянные войны, безпокойная жизнь выработали из него тип староарабского рыцаря-поэта, который в эту эпоху встречался уже редко, вытесняемый поэтами придворного городского кружка. Для Бекра на первом плане стоит гордость своим родом, война и месть за убитых братьев. Сюжеты его, быть может, еще более ограничены чем у ан-Ну'мана, диван тоже очень невелик — 14 произведений и всего около 250 стихов, но они настолько живо отражают его жизнь и проникнуты такой свежей силой, что не могут затеряться даже среди богатого материала аббасидской поэзии. Он не поэт-профессионал, он думает не о славе поэта, а о чести героя: его красивый девиз—все стихотворение № 14 с бодрым концом (ст. 8):

إن موت الفراش عار وعبز * وهو تحت السيوف فخر منيف

Враги должны пред ним трепетать, ибо, как он заявляет (№ 3 ст. 19):

لست بكَرًّا إِنْ لَمْ أَدْعِهِمْ حَرْبِنَا * مَاسِرِي كَوْكَبٍ وَمَا كَرَّ دَهْرٌ

(Слава его рода прошла далеко (№ 5, ст. 28):

وَأَيَّامِنَا فِي فِرَاعِ الْكِبَاةِ * وَفَكَ الْعِنَاةَ مَشَاهِيرَ غَرَّ

Отношение его к жизни сознательно и смерть не страшна (№ 5, ст. 22—23):

وَنَعْلَمُ نَفْسِي بَأَنَّ الْفَتَى * لَهُ مَا يَقْدِمُ لَا مَا يَنْزِرُ
وَأَنَّ الْمَنَابِيَا إِذَا لَمْ تَرَح * عَلَيْهِ فَلَا يَدَّ إِنْ تَبْتَكِرُ

Эта мысль иногда у него повторяется (№ 8, ст. 6—7) и вполне гармонирует со всем мировоззрением, очень целостным и определенным, чем Бекр тоже отличается от поэтов своей эпохи. Он кажется каким-то эпигоном старой Аравии в ее лучших чертах и трудно найти во всем диване стихотворение, из которого не хотелось бы выписать несколько строк. По силе и яркости выражения его стихи можно сравнить с лучшими произведениями хариджитских поэтов, таких как Катарй ибн ал-Фуджа'а. Поэтическая преемственность в семье Бекра нам ясна: диван заканчивается пятью произведениями его деда Абӯ Дулефа (№ 15—19) того же стиля и характера, таких же могучих и бодрых и тоже несомненного таланта. Абӯ Дулеф бывал и при дворе Харуна ар-Рашида, но отражения придворной жизни в его стихах так же незаметно, как и у его внука. Особых ухищрений формы, начинавших в поэзии этой эпохи переходить в излишество, ни у деда ни у внука не заметно: изредка проскользнет внутренняя рифма (№ 18, ст. 1 *الصفوف — السيوف* или ст. 3 *الحمام — الحسام*), такие сочетания, как *وصمت صمام وصامت بقتر* (2,3), (5,5), или *تادمين* — включение слов другого поэта (Имруулқайса 8,20). У Бекра есть интересный пример, так называемого «стыка» — повторения слов второго полуступиши в первом полуступиши следующего стиха (1,11-12), у Абӯ Дулефа — «концовка» в ряде стихов (17,5-7).

По содержанию, стихотворения Бекра — отражение его жизни; в большинстве это *фахр* — восхваление племени и самого себя, часто с формальным песнбом (№ 1—3, 5, 8—10, 12—14) или элегии на смерть братьев: ал-Хариса (№ 4, 6, 11) и Ахмеда (№ 7). И несмотря на такую скудость тем, их разработка с начала до конца производит впечатление свежести и разнообразия.

Историк, в свою очередь извлечет, вероятно, из дивана Бекра ряд мелких ценных деталей; об этом можно судить уже по количеству упоми-

паемых в нем имен: наместник ал-Му'тадиди Бедр (пбн Сулейман) является, например, в шести пьесах (1,21, 3,15, 4,4, 9,26, 10,12, 14). Кроме него встречается, конечно, целый ряд менее известных нам из истории фигур. Интересно отметить поэтическое исповедание ши'итских симпатий Бекра (№ 12, ст. 8, 9, 11).

Текст обоих диванов дан в очень удовлетворительном виде. Некоторые сомнения возникают, вероятно, от опсоек в литографии и на них не имеет смысла останавливаться. За обогащение наших источников сразу двумя неизвестными раньше диванами все арабисты будут благодарны как издателю Мухаммеду ас-Суратй, так и доставившему материал для издания Гг. Krenkow'у.

И. Крачковский.

П. Февраль 1922 г.

4. M. T. Czaplicka. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day. An Ethnological Inquiry into the Pan-Turanian Problem, and Bibliographical Material relating to the Early Turks and the present Turks of Central Asia. Oxford 1918. 242 pp. 8°.

Книга написана еще до окончательного решения исхода мировой войны, хотя на стр. 120 уже упоминается объявленное 1 ноября 1918 г. перемирие между союзниками и турками. Большая часть книги относится к более раннему политическому моменту, и в основу ее положена лекция, читанная автором¹ 24 октября 1917 г. в лондонской школе востоковедения². Посвященное рассмотрению политических вопросов приложение В говорит о замене в Германии берлинско-багдадского проекта проектом дороги из Берлина через Бухару в Пекин — проектом, осуществление которого представлялось возможным после заключения Брест-Литовского мира и дополнительного договора к нему. Автор старается доказать ненаучность проблемы туранизма, несоответствие между ней и действительными фактами этнографии и культурной истории, хотя предсказывает, что самая проблема останется «жгучим вопросом» еще долго после установления окончательного мира в Европе и Азии.

Автор привлек к рассмотрению этнографических и исторических вопросов значительную литературу, особенно на русском языке, но не является

¹ Из заглавного листа видно, что M. A. Czaplicka — воспитанница одного из оксфордских женских колледжей (Somerville College) была преподавательницей этнологии в оксфордской School of Anthropology.

² Директор школы Sir E. Denison Ross упоминается в предисловии в числе лиц, читавших книгу в рукописи и давших автору полезные указания.